

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

ТАРАСОВ Аркадий Евгеньевич

**Религиозные аспекты политики московских князей
во второй половине XV – первой трети XVI вв.**

Раздел 07.00.00 – Исторические науки
Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

МОСКВА 2007

Работа выполнена на кафедре истории России до начала XIX века Исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель:

доктор исторических наук, профессор

Борисов Николай Сергеевич

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор

Хорошев Александр Степанович

(Кафедра археологии Исторического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова)

кандидат исторических наук

Романенко Елена Владимировна

(Церковно-научный центр «Православная энциклопедия»)

Ведущая организация: **Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник**

Защита состоится « » марта 2007 г. в 16.00 часов на заседании Диссертационного совета К-501.00.09 по отечественной истории при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова по адресу: 118899, Москва, Воробьёвы горы, МГУ, 1-й корпус гуманитарных факультетов, аудитория 550.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке МГУ (Воробьёвы горы, МГУ, 1-й корпус гуманитарных факультетов).

Автореферат разослан « » _____ 2007 года.

Учёный секретарь Диссертационного совета

доктор исторических наук, профессор

Козлова Н.В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования определяется, во-первых, высоким интересом к истории церкви, возросшим в последние 15-20 лет. Во-вторых, недостаточным изучением проблемы преемственности власти и роли религиозных мотивов в деятельности политиков позднего средневековья на Руси. В частности, время правления великих князей Московских Ивана III Васильевича (1462 – 1505 гг.) и его сына Василия III Ивановича (1505 – 1533 гг.) обычно рассматривается разрозненно. При этом Василий III, как правило, остаётся в тени своего великого отца, создателя Русского централизованного государства (или, по меткому определению А.Е. Преснякова, «подлинного организатора Великорусского государства»). Однако такой подход представляется не совсем верным. Вряд ли есть основания говорить о совершенно разных взглядах обоих государей на принципы правления. Василий III не стремился противопоставить себя Ивану III так, как, например, в конце XVIII в. это делал император Павел по отношению к Екатерине II. Напротив, Василий III продолжал дело отца, и конечный успех в объединении страны после многовекового периода феодальной раздробленности связан именно с его правлением. Между тем, реальные формы преемственности во власти между Иваном III и Василием III до сих пор не изучены. Исследование правления Ивана III и Василия III с точки зрения развития основных принципов политики является вполне обоснованным. В конечном счёте, речь идёт об эффективных политических и поведенческих моделях, позволивших великим князьям Московским победить соперников и объединить страну.

Изучение основных принципов политики московских князей невозможно без учёта религиозного и, как следствие, церковного фактора. Жизнь средневекового человека была целиком проникнута религиозными представлениями, в центре которых находилась личность всемогущего Бога. Посредником между Богом и людьми являлась церковь. Поэтому церковь занимала особое положение в структуре феодального общества. На Руси уже с момента принятия христианства в 988 г. постепенно начинает утверждаться византийский вариант взаимоотношения церкви и государства, основанный на теории симфонии, сакральном значении личности правителя, тесном переплетении государственных и церковных структур. При этом позднее средневековье как никакая другая эпоха в истории Руси ознаменовалась острой религиозно-политической борьбой¹. Таким образом, исследование политических и поведенческих форм власти Ивана III и Василия III,

¹ Ср.: Ластовский Г.А. Религиозно-политические аспекты истории Смоленщины // Религия и политика в Европе XVI-XX вв. Смоленск, 1998. С.71-72.

через призму отношений государства и церкви необходимо для более глубокого понимания природы образования централизованного государства.

Объект исследования. Политика Ивана III и Василия III по отношению к Русской православной церкви, реакция церкви на политические события того времени.

Предмет исследования. Роль церковно-политических и религиозных мотивов в деятельности московских князей во второй половине XV – первой трети XVI века.

Степень научной разработанности темы. Взаимоотношения государства и церкви в России в эпоху правления Ивана III и Василия III в общем плане рассматривались уже в трудах классиков отечественной историографии XVIII – начала XIX века В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова, М.М. Щербатова, И.Н. Болтина, Н.М. Карамзина. К этим вопросам обращались и церковные историки: митрополит Платон (Левшин), иеромонах Амвросий (Орнатский), архимандрит Иннокентий (Смирнов)². Их первые оценки открыли ряд перспектив. Во-первых, была выявлена сама историческая проблема взаимодействия светской и церковной властей. Во-вторых, определены ключевые темы исследования этой проблемы. Среди них – участие церкви в военных акциях светских правителей, а также роль великих князей Московских в церковном управлении. При всём том ранние исследователи не занимались специальным изучением проблем роли церкви в военных акциях светских правителей и политики государства в отношении архиереев. Историки XVIII – первой четверти XIX века касались тем, рассматриваемых в данном диссертационном исследовании, в общем контексте своих рассуждений о гражданской и церковной истории той эпохи. Они неминуемо заостряли своё внимание прежде всего на тех вопросах, которые были ярче отражены в источниках.

Со второй четверти XIX в. набирает силу направление, получившее название «буржуазной историографии». Историческое знание обогащается трудами Н.А. Полевого, Н.Г. Устрялова. В этот период продолжают работать и церковные или близкие им по духу историки, такие как А.Н. Муравьёв³. Возникает интерес к истории канонического права⁴ и военной истории России⁵. В первой половине

² Татищев В.Н. История Российская. Ч.4 // Собрание сочинений. М.;Л., 1966. Т.5-6; Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. М.;Л., 1952. Т.6; Щербатов М.М. История Российская от древнейших времён. СПб., 1783. Т.4. Ч.2; Болтин И. Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка. СПб., 1788. Т.2; Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1993. Т.6 (Первое издание выходило в свет с 1818 по 1829 гг.: первый том опубликован в 1818 г., последний, двенадцатый, – в 1829 году); Платон (Левшин), митрополит. Краткая церковная российская история. М., 1805. Т.1; Амвросий (Орнатский), иеромонах. История российской иерархии. М., 1807. Т.1; Иннокентий (Смирнов), архимандрит. Начертание церковной истории от библейских времён до XVIII века в пользу духовного юношества. СПб., 1817. Т.2.

³ Полевой Н.А. История русского народа. СПб., 1833. Кн.5-6; Устрялов Н.Г. Русская история. СПб., 1837. Ч.1; Муравьёв А.Н. История Российской Церкви. СПб., 1838; Филарет (Гумилевский), епископ. История русской церкви. М., 1847. Т.3.

⁴ Неволин К.А. О пространстве церковного суда в России до Петра Великого. СПб, 1847.

XIX в. история России окончательно превращается в область научного знания, и русские учёные-историки пытаются осмыслить методологические принципы исторического исследования. Постепенно меняется характер исследовательских работ. Более пристальное внимание уделяется уже поднятым темам. Наряду с тезисом о «церкви-миротворце», нравственной наставнице государства и народа, характерным для предыдущего историографического периода, активно развивается положение о церкви, находящейся на службе у государства.

Касаясь отношений церкви и светской власти, С.М. Соловьёв отмечал, что духовенство не могло оставаться равнодушным к борьбе старого и нового порядков (децентрализации с единовластием) и объявляло себя «в пользу того из них, который обещал земле успокоение от усобиц, установление мира и порядка». Вмешательство же светской власти в жизнь церкви, как правило, не имело целью узурпацию и носило, скорее, «отеческий» характер гармоничных отношений⁶. В трудах выдающегося церковного историка Макария (Булгакова) закрепляется представление о патриотическом аспекте деятельности церкви. При этом главной причиной тесного взаимодействия церкви и государства, с точки зрения исследователя, становится существование независимой от Константинополя, национальной церкви во главе с этническим русским митрополитом⁷. Близок к этой точке зрения и Н.И. Костомаров⁸.

До второй половины XIX в. историки исходили из положения, согласно которому церковь от центра до самых удалённых уголков представляет собой единый организм, во всём придерживающийся одной линии поведения. И эта линия устанавливается главой церкви – митрополитом. Со второй половины XIX столетия историографическая ситуация постепенно начинает меняться. Происходят первые попытки выделения различных групп духовенства, а внутри групп – разнообразных взглядов на политические проблемы⁹.

Развитие отечественной исторической науки, увеличение интереса к церковной истории во второй половине XIX в. стимулировали появление

⁵ [Зотов Р.М.] Военная история Российского государства. М., 1839. Ч.1; [Зедделер Л.И.] Обзор истории военного искусства. СПб., 1843. Т.2.

⁶ Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. М., 1960. Кн.3. Т.5-6; Пятый том, посвящённый времени правления Ивана III и Василия III, при жизни С.М. Соловьёва издавался четыре раза, впервые – в 1855 г.

⁷ Макарий (Булгаков), митрополит. История русской церкви. СПб., 1870.

⁸ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. СПб., 1874. Вып.2-й.

⁹ Лохвицкий А. Очерк церковной администрации в Древней России // Русский вестник. 1857. Т.7. С.209-272; Карпов Г. Очерки из истории Российской иерархии. Св. Иона, последний митрополит Киевский и всея Руси // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском Университете (далее – ЧОИДР). М., 1864. Кн.4. С.142-206; Иконников В. Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. К., 1869.

обобщающих трудов церковных авторов¹⁰. Наибольшей научной ценностью обладал труд академика Е.Е. Голубинского. В соответствии с концепцией автора, церковь фактически оказывается на государственной службе уже в XV в., а митрополиты попадают практически в полную зависимость от светской власти¹¹. Начиная с 1870-х гг., в науке заметно влияние позитивистских принципов, что дало толчок к исследованию роли идей и мировоззренческих установок в истории¹². С развитием передовой общественной мысли и социологии к концу XIX столетия в историографию приходят новые представления о движущих силах истории: классах, социальных группах. Так, М.Ф. Владимирский-Буданов полагал, что установлению единодержавия в стране активно содействовал класс духовенства. В.О. Ключевский считал, что светская политика искала «богословской мерки своего роста», идеологи строили свои церковно-политические теории, исходя из церковных представлений, а церковь в целом поддерживала московских государей. Однако имели место и разногласия. В.О. Ключевский выдвигал тезис о «церковной возмужалости» русских архиереев и духовенства в целом, получивших, благодаря достижениям Ивана III, стимул к новому осознанию своего места в социуме, а затем сознательно передавших ряд своих функций светской власти. «Приобретение автономии русской церковной иерархией сопровождается косвенным сознанием её бессилия перед задачами, выполнение которых только и могло оправдать её коренные права на существование»¹³. В соответствии с тезисом А.Е. Преснякова о «собрании власти», церковь непременно оказывалась втянутой в орбиту государственного строительства в качестве абсолютно зависимого придатка¹⁴.

В течение первых двадцати лет советской власти наблюдается спад интереса к истории объединения русских земель. История же церкви вообще оказывается не актуальной¹⁵. Лишь в 1950-е гг. происходит некоторый подъём интереса к истории Русской православной церкви, в том числе и в обобщающих работах. Однако

¹⁰ Знаменский П.В. История русской церкви (учебное руководство). Изд. 9-е. Париж-Москва, 2000; Малицкий П.И. Руководство по истории русской церкви. Изд. 4-е. Москва, 2000; Доброклонский А.П. Руководство по истории русской церкви. М., 2001.

¹¹ Голубинский Е.Е. История русской церкви. М., 1900. Т.2. 1-я половина.

¹² Дьяконов М. Власть московских государей. Очерки из истории политических идей Древней Руси. СПб., 1889; Он же. К истории древнерусских церковно-государственных отношений // Историческое обозрение. СПб., 1891; Савва В. Московские цари и византийские василевсы: К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков, 1901; Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. К., 1901.

¹³ Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч.2. // Ключевский В.О. Сочинения: В 8-ми томах. М., 1957. Т.2; Он же. Псковские споры // Ключевский В.О. Сочинения: В 8-ми томах. М., 1959. Т.7.

¹⁴ Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII-XV столетий. Пг., 1918.

¹⁵ См.: Греков Б.Д. Основные итоги изучения истории СССР за тридцать лет // Б.Д. Греков. Избранные труды. М., 1960. Т.3. С.395-403; Пожалуй, единственным исключением является научно-публицистический труд по истории средневекового русского православия Н.М. Никольского (Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1930).

внимание исследователей, которые так или иначе затрагивали историю церкви второй половины XV – первой трети XVI вв., было сосредоточено в основном на изучении двух проблем¹⁶. Такое состояние историографии было в целом характерным и для 60-х – 70-х гг. XX века. Среди работ этого времени следует выделить труды А.М. Сахарова. Достижением автора становится вывод, что конец XV в. ознаменовался серьёзными противоречиями между светской и духовной властью и что нельзя считать церковь силой, будто бы покорно и неотступно служившей идее объединения русских земель. В итоге было сделано заключение, что обе силы нуждались в поддержке друг друга, и был установлен союз между государством и церковью при главенствующем положении светской власти¹⁷. Особняком стоят работы А.А. Зимина, непосредственно посвящённые комплексному изучению эпохи Ивана III¹⁸ и Василия III¹⁹. Автор не рассматривает отношения государства и церкви в качестве самостоятельной проблемы, однако постоянно делает соответствующие наблюдения, отмечая важнейшую роль церкви в исторической обстановке той эпохи. А.А. Зимин последовательно проводит идею о «дробной», отнюдь не единой структуре митрополии «всёя Руси», указывает на существование «оппозиционных элементов русской церкви», приходит к выводу, что Иван III ещё не имел решительного преимущества над церковью и часто был вынужден лавировать в своих отношениях с архиереями. Касается автор и некоторых, особенно значительных, эпизодов военной истории России через призму участия в них церкви. В частности, он отмечает беспрецедентную попытку Василия III заручиться поддержкой духовенства и высших сил перед третьим Смоленский походом.

В исследованиях конца 1970-х – 80-х гг. намечается определённый интерес к тематике, связанной с Русской православной церковью, общим и частным эпизодам её истории, в том числе к проблеме отношений государства и церкви на рубеже XV – XVI веков²⁰. С началом 1990-х гг., когда появилась возможность

¹⁶ Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI века. М.; Л., 1955; Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV-XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960.

¹⁷ Сахаров А.М. Церковь и образование Русского централизованного государства // Вопросы истории. 1966. №1. С.49-65; Он же. Церковь в истории России (IX в. – 1917 г.): Критические очерки. М., 1967. С.79-91; Он же. Религия и церковь // Очерки русской культуры XVI века. М., 1977. Ч.2. С.76-111.

¹⁸ Зимин А.А. Россия на рубеже XV-XVI столетий (Очерки социально-политической истории). М., 1982.

¹⁹ Он же. Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972.

²⁰ Хорошев А.С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980; Белякова Е.В. К истории учреждения автокефалии Русской церкви // Россия на путях централизации. М., 1982. Борисов Н.С. Русская церковь в политической борьбе XIV-XV вв. М., 1986; Сахаров А.М., Зимин А.А., Корецкий В.И. Церковь в обществе развитого феодализма (XIV-XVI вв.) // Русское православие: Вехи истории. М., 1989; Сеницына Н.В. Автокефалия русской церкви и учреждение Московского патриархата (1448-1589) // Церковь, общество и государство в феодальной России. Сборник статей. М., 1990. С.126-151; Каштанов С.М. Церковная юрисдикция в конце XIV – начале XVI вв. // Там же. С.151-163.

отойти от жёстких рамок господствовавшей марксистской исторической концепции, интерес к истории церкви и государства в России второй половины XV – первой трети XVI вв. усиливается. Появляются масштабные работы, ставящие своей задачей как общее исследование так и комплексное изучение отдельных аспектов церковной истории этого периода²¹. Предпринимаются попытки рассмотреть влияние провиденциализма на деятельность политической элиты²².

Прочное место в работах современных исследователей занимает мысль о том, что именно Русская церковь формировала принципы духовной солидарности великорусского этноса, поддерживала в этническом сознании идею единства русской земли, объединяла людей общностью веры. Именно православное духовенство как культурная элита эпохи, наиболее образованный социокультурный слой общества, формировало в народном сознании определенное видение нового государственного образования²³. В то же время исследователи в большинстве своём солидарны и в том, что церковь нельзя рассматривать как единый организм. В период складывания централизованного государства стремления к сохранению независимого положения, поддерживаемые местными церковными центрами, были особенно сильны, и великие князья Московские хорошо осознавали это. Также принимается положение, в соответствии с которым со второй половины XV в., а именно с эпохи Ивана III, начинается качественно новый этап и отношения государства к церкви, и реакции церкви на политические события, деятельность светской власти. Между тем, наблюдается тенденция к удревнению: истоки ряда явлений, характерных для жизни церкви и церковно-государственных отношений конца XV, XVI и даже XVII вв., обнаруживают уже в XIV столетии, а иногда и ещё раньше. Между тем, специальных исследований, посвящённых изучению религиозного аспекта деятельности московских государей в этот период до сих пор нет. Несмотря на повышенный интерес к военной истории периода²⁴, нет и работ, которые в

²¹ Лурье Я.С. Две истории Руси XV века. Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994; Успенский Б.А. Царь и патриарх: Харизма власти в России (Византийская модель и её переосмысление). М., 1998; Борисов Н.С. Иван III. М., 2000; Байковский К.Ю. Развитие концепции царства, святости и войны за веру в трудах московских книжников XV века. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 2003. С.22-24; Мусин А.Е. Milites Christi Древней Руси. Воинская культура русского средневековья в контексте религиозного менталитета. СПб., 2005.

²² Алексеев А.И. Под знаком конца времён. Очерки русской религиозности конца XIV – начала XVI вв. СПб., 2002; Он же. Заметки о религиозности Ивана III // Исследования по истории средневековой Руси: К 80-летию Юрия Георгиевича Алексеева. М.; СПб., 2006. С.187-201; Борисов Н.С. Повседневная жизнь средневековой Руси накануне конца света. М., 2004.

²³ Гребенюк А.В. Религиозно-политические идеи Русской православной церкви и формирование централизованного государства в конце XIV – начале XVI веков (Историография проблемы). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2005. С.25.

²⁴ Волков В.А. Войны Московской Руси конца XV – XVI вв. М., 2001; Он же. Войны и войска Московского государства. М., 2004; Еременко С.Б. Развитие военной организации централизованного Русского государства (2-я половина XV в. – 1-я треть XVI в.). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2003. Пенской В.В. Развитие вооружённых

достаточной мере отразили бы роль церкви в военной политике московского государства.

Источниковая база диссертационного исследования

При разработке проблем исследования был использован широкий круг источников, в первую очередь, опубликованных, а также архивных, находящихся на хранении в отделах рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), Государственного исторического музея (ОР ГИМ) и Российском государственном архиве древних актов (РГАДА). Использованные источники можно разделить на несколько групп: 1) Нарративные (повествовательные) материалы: летописи, публицистические сочинения, исторические повести, известия иностранцев о России, жития святых; 2) Акты, в первую очередь, включающие в себя земельно-иммунитетные акты, а также духовые и договорные грамоты князей; 3) Материалы церковно-правового характера и документы делопроизводства Русской церкви; 4) Источники эпистолярного жанра (определяемые как «послания духовенства» и «послания светских лиц»), а также дипломатическая переписка; 5) Прочие письменные источники; 6) Неписьменные источники.

Первая группа. События русской церковной и политической истории второй половины XV – первой трети XVI вв. отражены в летописях Никаноровской, Вологодско-Пермской, Московском своде конца XV в., Воскресенской, Симеоновской, Софийской второй, Софийской первой по списку Царского, Львовской, Уваровской («Летописный свод 1518 г.»), Иоасафовской, Никоновской, Новгородской четвёртой, Новгородской по списку П.П. Дубровского, «Летописи Авраамки», Новгородской Большаковской, Типографской, Ермолинской, Устюжской, Холмогорской, Вычегодско-Вымской (Коми-Вымской), 1-й, 2-й и 3-й Псковских, Тверской, Постниковском летописце, «Летописце начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича», «Истории о Казанском царстве», «Книге Степенной царского родословия», летописном отрывке 1518-1526 гг. официального характера²⁵. В ряде случаев их сообщения дополняют неопубликованные Музейный летописец (ОР РГБ. Ф.178. №3271), летописец из собрания Долгова (ОР РГБ. Ф.92. №2), летописные записи на первых

сил России и военная революция в Западной Европе во 2-й половине XV – XVIII вв.: Сравнительно-исторический анализ. М., 2004.

²⁵ ПСРЛ. М.;Л., 1962. Т.27; М.;Л., 1959. Т.26; М.;Л., 1949. Т.25; СПб., 1856-1859. Т.7-8; СПб., 1913. Т.18; М., 2000. Т.6. Вып.1; М., 1994. Т.39; СПб., 1910. Т.20; М.;Л., 1963. Т.28; Иоасафовская летопись. М., 1957; ПСРЛ. СПб., 1862-1910. Т.9-14; М., 2000. Т.4. Ч.1; М., 2004. Т.43; СПб., 1889. Т.16; Конявская Е.Л. Новгородская летопись XVI века из собрания Т.Ф. Большакова // Новгородский исторический сборник. СПб., 2005. Вып.10 (20); ПСРЛ. Пг., 1921. Т.24; СПб., 1910. Т.23; Л., 1982. Т.37; Л., 1977. Т.33; Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1958. Вып.4; Псковские летописи. М.;Л., 1941. Вып.1; М., 1955. Вып.2; ПСРЛ. СПб, 1863. Т.15; М., 1978. Т.34; М., 1965. Т.29. С.9-116; СПб., 1903. Т.19; СПб., 1908-1913. Т.21. Ч.1-2; Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С.160-166.

страницах богослужебного сборника XVI века (ОР РГБ. Ф.304/1. №647), Новгородская Забелинская летопись (ОР ГИМ. Забел. №261).

Большое значение для реконструкции церковно-политических взглядов людей той эпохи представляют памятники публицистики и исторические повести XV-XVI веков. Среди них «Слово избранно от святых писаний, еже на латыню», «Повесть о взятии Царьграда турками», Повесть Симеона Суздальца о Флорентийском соборе, «Смиренного инока Фомы Слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче» Тверском, Повесть об архиепископе Новгородском Ионе, Повесть об основании Спасо-Каменного монастыря, «Сказание о князьях Владимирских», три важнейших для изучения покорения Новгорода летописных повести о Первом новгородском походе Ивана III (1471 г.), представляющих точки зрения трёх сторон, принимавших участие в конфликте: великокняжеской власти, митрополичьей кафедры и Новгорода, а также другие памятники²⁶.

Изучение и политической, и церковной истории конца XV-XVI вв. невозможно без привлечения известий иностранцев о России. Наиболее многочисленные и ценные сведения содержатся в крупнейшем литературном памятнике этого жанра – записках австрийского дипломата Сигизмунда Герберштейна, который дважды посетил Россию в годы правления Василия III²⁷.

В диссертации исследовались и источники агиографического характера. О важности этого вида источников говорит, например, то, что в последнее время памятники агиографии широко привлекаются для комплексных исследований по истории русских земель²⁸. Памятники житийной литературы ценны и как источники для изучения духовной жизни эпохи. Так, Житие новгородского святого Михаила Клопского (составлено в 1478-1479 гг., а возможно и раньше), активный период жизни которого пришёлся на первую треть XV в., несёт в себе проекцию событий и оценок последнего десятилетия существования независимого Новгорода и отражает политические взгляды составителя²⁹. Равно и обращение к житиям или службам ещё византийских святых, хорошо известных на Руси

²⁶ Опубликовано: Попов А. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI – XV в.). М., 1875. С.360-395; БЛДР. СПб., 2000. Т.7. Вторая половина XV в.; Повесть Симеона Суздальца о VIII (Флорентийском) соборе // Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. К., 1901. Приложения; БЛДР. СПб., 2000. Т.7; ПСРЛ. М., 2004. Т.43. С.184; Святые подвижники и обитатели Русского Севера: Усть-Шехонский Троицкий, Спасо-Каменный, Дионисьев Глушицкий и Александров Куштский монастыри и их обитатели / Изд. подг. Г.М. Прохоров и С.А. Семячко. СПб., 2005; БЛДР. СПб., 2000. Т.9; ПСРЛ. М.;Л., 1959. Т.26.; М.;Л., 1962. Т.27; М.;Л., 1949. Т.25 (Московская повесть); ПСРЛ. Т.6. Вып.2; Т.20. Ч.1; М., 2004. Т.43 («Словеса избрана от Святых Писаний» - памятник митрополичьей канцелярии); ПСРЛ. М., 2000. Т.4. Ч.1 (Новгородская повесть).

²⁷ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988.

²⁸ См., например: Авдеев А.Г. Галичская земля в XII-XV в.в. (по Житию преподобного Паисия Галичского). Дисс. ... кан. ист. наук. М., 2001.

²⁹ Янин В.Л. К вопросу о происхождении Михаила Клопского // АЕ за 1978 год. М., 1979. С.52-61.

(Афанасия Великого³⁰, Симеона Дивногорца³¹ и др.), помогает лучше понять некоторые действия участников церковно-политических событий конца XV – первой трети XVI века.

Вторая группа. Большое количество актовых материалов по рассматриваемой в данной работе теме было опубликовано или описано³². Наиболее полные подборки актов имеются по: Троице-Сергиеву, Кирилло-Белозерскому, московскому Симонову, суздальскому Спасо-Евфимиеву, Ферапонтову, Иосифо-Волоколамскому, Соловецкому монастырям³³. Особую ценность представляют акты, относящиеся непосредственно к митрополичьей кафедре³⁴.

Особый вид актовых источников составляют договорные грамоты – договоры князей между собой и с другими государствами, а также договоры независимых русских земель (в первую очередь, Твери, Новгорода). В них часто поднимаются церковно-политические вопросы. Сборник духовных и договорных грамот великих и удельных князей вышел в одноимённом издании под редакцией Л.В. Черепнина. Хронологический период, охватывающий данное диссертационное исследование, открывается в нём dokonчаниями Ивана III с великим князем Тверским Михаилом Борисовичем и князем Михаилом Андреевичем Верейским³⁵. Новгородские и Псковские грамоты, как договорные, так и жалованные, вышли отдельным изданием³⁶. При работе с актами этого вида (как, впрочем, и со всеми остальными) особого внимания требует их датировка³⁷.

Третья группа. Полноценное изучение церковной истории предполагает обращение к каноническому праву. Правила и определения православной церкви,

³⁰ РГАДА. Ф.187. Оп.1 №60. Л.64 и далее (Житие в сборнике начала XV века).

³¹ ОР РГБ. Ф.98. №74. Л.184-187 об. (Служба в минее XVI века).

³² Для иммунитетных грамот 1505 – 1584 гг. С.М. Каштановым (в том числе в соавторстве) составлен полный хронологический перечень: Каштанов С.М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века // Археографический ежегодник (далее – АЕ) за 1957 год. М., 1958. [Ч.1]. С.302-376; АЕ за 1960 год. М., 1962. [Ч.2]. С.129-200; АЕ за 1966 год. М., 1968. [Ч.3]. С.197-253 / совместно с В.Д. Назаровым и Б.Н. Флорей; Некоторые грамоты см. также: Голубцов И.А., Назаров В.Д. Акты XV – начала XVI в. // Советские архивы. 1970. №5. С.74-89; Каштанов С.М. Очерки русской дипломатики. М., 1970. С.341-484; Он же. Из истории русского средневекового источника (акты X – XVI вв.). М., 1996. С.127-237.

³³ Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси конца XIV – начала XVI вв. (далее – АСЭИ) / Сост. и примеч. С.Б. Веселовский. М., 1952. Т.1; Акты Русского государства 1505-1526 гг. / Ред. А.А. Новосельский. М., 197; АСЭИ / Сост. И.А. Голубцов. М., 1958. Т.2; Акты феодального землевладения и хозяйства: Акты Московского Симонова монастыря (1506-1613) / Сост. Л.И. Ивина. Л., 1983; Акты социально-экономической истории севера России конца XV – XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1479-1571 гг. / Сост. И.З. Либерзон. Л., 1988; Акты феодального землевладения и хозяйства (далее – АФЗХ) / Под. ред. Л.В. Черепнина. М., 1956. Ч.2.

³⁴ АФЗХ. М., 1951. Ч.1.

³⁵ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI веков (далее – ДДГ) / Под ред. Л.В. Черепнина. М.; Л., 1950. №63, 64.

³⁶ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.

³⁷ См.: Зимин А.А. О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями XIII-XV вв. // Проблемы источниковедения. М., 1956. Вып.5; Он же. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV-XV вв. // Проблемы источниковедения. М., 1958. Вып.6.; Янин В.Л. Новгородские акты XII-XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991.

в основе которых лежат Апостольские правила, решения семи Вселенских и первых Поместных соборов, святоотеческие правила, изложены в Номоканоне в 14 титулах, составленном в Константинополе в 883 году. Славянские редакции Номоканона (получившего название «Кормчей»), а именно сербская и русская, известны с XII века³⁸. С церковным правом непосредственно связана масса источников, вышедших из делопроизводства Русской православной церкви: определения (решения) соборных поместных соборов, чины рукоположения архиереев, соборные грамоты к епископам, ответные послания архиереев соборам, а также отдельным лицам и общинам. Сюда же относятся грамоты внешних церковных сношений по каноническим вопросам, прежде всего, с Константинополем. Одного с ними плана и послания патриархов на Русь. Отреченные грамоты архиереев также важны, поскольку они могут пролить свет на многие перипетии церковно-политической борьбы³⁹.

Четвёртая группа. Перипетии церковно-политической борьбы, идейно-политические взгляды представителей церкви и власти отражены также и в источниках, определяемых как «послания духовенства князьям» и «послания князей». Особенно интересны с точки зрения задач данного исследования послания таких видных представителей духовенства второй половины XV – первой трети XVI в. как игумен Иосиф Волоцкий, архиепископ Ростовский и Ярославский Вассиан Рыло («Послание на Угру»), старец Филофей. Важнейшим княжеским посланием является грамота Ивана III в Новгород, датированная 1467 г., в которой отражается тогдашняя позиция официальной Москвы на состояние современного православия в целом и патриархии Константинопольской в частности. Некоторые выводы о церковно-политическом аспекте войн Василия III можно сделать на основе текста его послания на Синай⁴⁰. Раскрыть более полно положение православия в Литве в конце XV – первой трети XVI в. (а вероисповедный вопрос во многом определял идеологию русско-литовских войн)

³⁸ Правила святых Апостол с толкованиями. М., 1876; Правила святых Отец с толкованиями. М., 1884; Правила святых Вселенских Соборов с толкованиями. М., 1877; Правила святых Поместных Соборов с толкованиями. М., 1880; Правила (KANONEΣ) православной церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского. СПб., 1911-1912. Т.1-2; Изд. древнейших славянских списков Кормчей см.: Древнеславянская кормчая. XIV титулов без толкований. Труд В.Н. Бенешевича. СПб., 1906. Т.1; София, 1987. Т.2 / подгот. к изд. и снабжен дополнениями Ю.К. Бегуновым, И.С. Чичуровым и Я.Н. Щаповым / под общим рук. Я.Н. Щапова.

³⁹ Для хронологических рамок диссертации их главнейшими сборниками являются: СПб., 1836. Т.1; Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссиею. СПб, 1841. Т.1; РИБ. Изд. 2-е. СПб, 1908. Т.6; Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. М., 1986-1992. Ч.1-5.

⁴⁰ Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959; Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. К., 1901. Приложения; Сеницына Н.В. Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV-XVI вв.). М., 1998. Приложения; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи археографической экспедицией императорской Академии наук (далее – ААЭ). СПб., 1836. Т.1. №80; Русская историческая библиотека (далее – РИБ). Изд. 2-е. СПб, 1908. Т.6. №100; Сношения России с православным Востоком по делам церковным. СПб., 1858. С.37; Россия и греческий мир в XVI веке. М, 2004. Т.1. №45.

помогают посольские материалы, отражающие отношения великого княжества Московского с великим княжеством Литовским⁴¹.

Пятая группа включает в себя все иные письменные источники. В их числе судные списки Максима Грека и Исаака Собаки, введенные в научный оборот в начале 70-х гг. XX века⁴². Они являются значительным источником для изучения и общей церковно-политической обстановки и для характеристики роли церкви в военных предприятиях последнего десятилетия правления Василия III. Интересные характеристики, в основном отражающие взгляды современников на государственных деятелей или наиболее яркие события эпохи, содержат записи книжников на полях рукописей. На значимость этого своеобразного источника уже указывалось в историографии⁴³. Немаловажны, а порой и исключительно ценны записи в синодиках. В контексте данного диссертационного исследования информация, содержащаяся в синодиках XV-XVI вв., в большей степени подходит для исследования проблем, связанных с иерархией Русской церкви и междукняжескими отношениями⁴⁴.

Шестая группа. Кроме письменных источников привлекались источники нумизматики, сфрагистики, а также памятники архитектуры и живописи. Изучение нумизматических и сфрагистических источников отечественной истории имеет давнюю традицию. Здесь стоит выделить обстоятельные работы А. Орешникова⁴⁵, М. Рубцова⁴⁶, Г.Б. Фёдорова,⁴⁷ Г. Алефа⁴⁸, В.Л. Янина⁴⁹, М. Агоштон⁵⁰. Исследование памятников архитектуры и живописи, показывает тесную связь между созданием и использованием некоторых из них с общей политической ситуацией эпохи⁵¹.

⁴¹ Сборник Императорского русского исторического общества. Памятники дипломатических отношений Московского государства с Польско-Литовским государством. 1487-1533. СПб., 1892. Т.35.

⁴² Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки. М., 1971.

⁴³ Тихомиров М.Н. Записи XIV – XVII веков на рукописях Чудова монастыря // АЕ за 1958 год. М., 1960; Костюхина Л.М. Записи XIII-XVIII вв. на рукописях Воскресенского монастыря // АЕ за 1960 год. М., 1962.

⁴⁴ ОР ГИМ. Син. №667 (синодик Успенского собора Московского кремля конца XV – XVI в.); Там же. Епарх. №414. (синодик-помянник 2-й – 3-й четверти XVI в.); Там же. Усп. №64. (синодик Успенского собора Московского кремля XVI в.); Там же. Барс. №962 (воинский помянник XVII в.); Там же. Шук. №136 (синодик крутицкого архиерейского дома XVII века); Там же. Син. №290 (синодик XVII в.); РГАДА. Ф.196. Оп.1. №289 (синодик начала 1490-х гг.); Синодик Иосифо-Волоколамского монастыря (1479 – 1510-е годы) / Подгот. текстов и исслед. Т.И. Шабловой. СПб., 2004.

⁴⁵ Орешников А. Русские монеты до 1547 года. М., 1896.

⁴⁶ Рубцов М.В. Деньги великого княжества Тверского. Тверь, 1904.

⁴⁷ Фёдоров Г.Б. Московские деньги времени великих князей Ивана III и Василия III // КСИМК. 1949. Вып.30. С.70-81.

⁴⁸ Alef G. The Adoption of the Muscovite Two-Headed Eagle: A Discordant View // Speculum. A Journal of Mediaeval Studies. 1966. №1 (Vol. 41). P.1-21.

⁴⁹ Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X-XV веков. М., 1970. Т.1-2.

⁵⁰ Агоштон М. Великокняжеская печать 1497 г.: К истории формирования русской государственной символики. М., 2005.

⁵¹ См., например: Maniura R. Pilgrimage to Images in the Fifteenth Century: The Origins of the Cult of Our Lady of Czestochowa. Woodbridge, 2004. P.46-59.

Цель и задачи исследования. Главной целью исследования является углублённое понимание церковной политики великих князей Московских Ивана III и Василия III, в особенности – религиозного аспекта их деятельности. Для достижения цели в диссертации ставятся и решаются конкретные **задачи** по исследованию следующих комплексов проблем: 1) Изучение влияния развития государства на институт церкви, и наоборот, установление совокупности взглядов внутри церкви на современные для неё политические события; 2) Комплексное исследование церковно-политической составляющей военного присоединения к великому княжеству Московскому русских земель как независимых, так и входивших в состав государств-соперников; 3) Реконструкция структуры русской церковной иерархии, выявление характера её существования в рассматриваемый период; 4) Исследование некоторых культов святых и церковных праздников через призму политических интересов московских государей.

Методологической основой диссертации являются классические методы исторической науки – принцип историзма, диалектики, системности, дающие возможность изучать явления в процессе формирования, становления и развития, в органической связи с породившими их условиями, духом времени. Исследование ведётся с учётом единства внутренних и внешних, субъективных и объективных факторов исторического процесса. Заключение и выводы делаются на основе анализа всего комплекса использованных источников, с учётом существующих научно-исследовательских традиций.

Хронологические рамки исследования охватывают период от начала правления Ивана III (1462 год) до конца правления Василия III (1533 год). В ряде случаев, обусловленных необходимостью проведения исторических параллелей, а также анализа развития отдельных исторических явлений, затрагивается более широкий временной пласт.

Научная новизна исследования состоит в том, что на основе широкого комплекса источников впервые предпринимается попытка изучить религиозные аспекты политики великих князей Московских Ивана III и Василия III в их преемственности и развитии. В диссертации изучены поведенческие стереотипы государей, показаны механизмы управления, касающиеся идеологии, взаимодействия с церковью. Благодаря комплексному изучению всей исторической ситуации того времени, во многом по-новому характеризуется проблема последних лет существования Новгородской феодальной республики и включения Новгорода в состав единого Русского государства. Впервые в историографии проводится комплексное исследование роли церкви в ликвидации независимости великого княжества Тверского. Под новым углом зрения

рассматривается изученная лишь отрывочно и, как правило, вне исторической преемственности между Иваном III и Василием III проблема церковного фактора в военной составляющей внешней политики Московского государства, а именно в отношениях с Литвой, Ливонией и Казанью. Данное исследование показывает постоянное переплетение и взаимовлияние внешнеполитических стремлений государей на разных направлениях. Также в диссертации обосновываются важнейшие составляющие влияния государства на формирование иерархии русской церкви, впервые вскрываются новые, доселе не привлекавшие внимание исследователей принципы формирования епископата в рассматриваемый период.

Практическая значимость диссертации. Фактические материалы и выводы диссертации могут быть использованы в научных, научно-педагогических и прикладных целях, при подготовке курсов лекций по отечественной истории XV-XVI вв., учебников и учебных пособий, а также в специальных и обобщающих исследованиях по истории Русской православной церкви и русской культуры средневековья.

Апробация работы. Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории России до начала XIX века Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Отдельные положения и основные выводы исследования были доложены и обсуждались на международных, всероссийских и региональных конференциях, среди которых: Ломоносов-2004 (Москва), Вторые открытые исторические чтения «Молодая наука» (Москва, 2004), X-е Платоновские чтения (Самара, 2004), История и культура Ростовской земли (Ростов Великий, 2004, 2005), Макарьевские чтения (Можайск, 2004, 2006) и другие. По материалам диссертации опубликовано 6 статей и сообщений общим объёмом 2,8 п.л. (Список публикаций приводится в конце автореферата).

Структура исследования определяется поставленными целями и задачами. Работа состоит из Введения, четырёх глав, Заключения, списка сокращений и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, определяются проблематика, цели, задачи и хронологические рамки исследования, даётся характеристика источников и историографии.

Глава 1 «Церковь и ликвидация независимости русских княжеств и земель» посвящена изучению роли церковного фактора в присоединении военным путём к Русскому централизованному государству политических образований Северо-Восточной Руси. В *первом параграфе* исследуется процесс включения в

состав великого княжества Московского Великого Новгорода. На основе комплексного изучения всей исторической ситуации того времени было показано, что Первый новгородский поход 1471 г. стал результатом длительной подготовки со стороны Ивана III. Вся новгородская политика Ивана III 60-х гг. XV в. – это последовательно развиваемое давление на Новгород (в особенности заметное в отношениях Москвы и Пскова, «молодшего брата» Великого Новгорода) как на свою «отчину», однако практически без резких обострений. Политика Москвы в отношении Новгорода в 60-е гг. XV в. определялась общими взглядами Ивана III, а затем и Василия III на буферные земли вокруг княжества Московского, существование которых, до определённого времени, являлось более целесообразным, нежели их непосредственное включение в состав государства.

Также было установлено, что важнейшая особенность новгородско-московских отношений в первое десятилетие правления Ивана III заключалась в тесном переплетении политических и церковных конфликтов. Неопределённость Новгорода, отсутствие у архиепископов чёткой позиции «за» или «против» признания церковного авторитета Москвы (по причине автокефалии Русской церкви), во многом определяла московско-новгородские отношения в 60-е гг. XV века. В свою очередь, митрополиты Московские воспринимали позицию новгородской кафедры как угрозу своему влиянию вообще в Северо-Восточной Руси и последовательно поддерживали Ивана III в его новгородской политике. Особое значение для Новгорода в 1460-е – начале 1470-х гг. имело также отношение к Константинопольской патриархии и униатской митрополии в Литве во главе с Григорием Болгариним. В силу преобладавшей в Новгороде ортодоксальной позиции вступление в каноническое общение с Григорием было невозможно. До определённого момента Новгород избегал и связей с патриархией, поскольку не было окончательной определенности с её истинным положением после попытки введения Флорентийской унии, а также падения православной Византийской государственности.

Резкое изменение обстановки происходит после 1467 г., когда Константинопольская патриархия попыталась восстановить права матери-церкви в Восточной Европе. Признание патриархом Григория Болгарина стало причиной победы в Новгороде «литовской партии» и окончательного поворота Новгорода, в первую очередь, в сторону церковных, а затем уже и политических контактов с Литвой. Этот процесс ускорился в конце 1470-го года. Количественно и по своему влиянию сторонники «литовской партии» преобладали над «московской» (в частности, было показано, что проигравший избрание в архиепископы Пимен отражал как раз мнение большинства новгородцев), и Москва была вынуждена

резко реагировать, чтобы не упустить из рук нити политической игры. Активизируется идеологическая деятельность московской пропаганды, которая, однако, предназначалась, главным образом, для «внутреннего пользования» и в гораздо меньшей степени для «внешнего»: своих потенциальных союзников и Новгорода. Московская великокняжеская администрация уже не позднее ноября-декабря 1470 г. осознала, что в набирающей обороты критической ситуации только крайняя мера – военный поход – в состоянии решить стратегически важную новгородскую проблему.

В диссертации также анализируется ряд шагов церковно-политического плана, специально предпринятых для обоснования легитимности военного похода на Новгород. Одним из них стала хиротония сарайского епископа Прохора в марте 1471 г., в свою очередь, имевшая целью усилить церковно-служилый собор, который принял формальное решение о походе. Обращение к библейским текстам позволило определить причины, побудившие московских авторов создать зловещий образ Марфы-посадницы – обоснование особого, божественного и фактически царского, характера власти Ивана III обыгранное на контрасте со «злыми женами», противницами помазанников Божиих. Были сделаны и выводы о характере Первого новгородского похода, который, несмотря на принципиально новую декларативную форму, по своему содержанию практически не отличался от прежних междоусобных браней.

Во *втором параграфе* речь идёт о подчинении великого княжества Тверского. Тверские церковно-политические события 1461 г. (смещение прежнего и избрание нового епископа Тверского Геннадия Кожы, рукоположение в архимандриты Успенского Отроча монастыря – главного монастыря Тверской Земли – Вассиана Оболенского), совпавшие со вступлением на престол великого князя Михаила Борисовича, являлись не только отражением внутренней борьбы элиты княжества, но также имели серьёзный внешнеполитический подтекст, обусловленный постепенным наступлением на Тверь Москвы. Уже в самом начале правления Михаила Борисовича произошли существенные подвижки в церковно-политических отношениях между Москвой и Тверью. Москва повела медленное, но верное наступление на Тверь, и успех сопутствовал ей в 1461 году. На посту архимандрита главнейшего монастыря тверской земли оказался лояльный Москве Вассиан Оболенский, а прерогативы архиерея, в лице владыки Геннадия, были подорваны. Именно Геннадий Кожа и Вассиан Оболенский (последний епископ независимой Твери), станут главными действующими лицами в церковно-политических событиях последних 24 лет существования великого княжества Тверского.

Также было установлено, что церковно-политический успех Москвы в 1461 г. существенно охладил симпатии тверской церковной организации к недавно провозглашённой митрополии в Литве во главе с униатом Григорием Болгариним. Важнейшим преимуществом, полученным Москвой накануне ликвидации независимости Твери, становится резкий спад идеологической деятельности в великом княжестве Тверском, в том числе за счёт невысокой активности двух последних архиереев в этом вопросе. В последние 30 лет существования независимого Тверского княжества полностью прекращается и каменное храмовое зодчество, хотя в рассматриваемую эпоху каменные храмы служили мощнейшим идеологическим оружием, призванным зримо воплощать могущество и славу их создателей.

В то же время и тверская великокняжеская власть не делала существенных шагов для того, чтобы заручиться поддержкой церкви. В диссертации было показано, что отношений между Михаилом Борисовичем и церковью накануне падения независимости Твери были непростыми, что особенно заметно на материале иммунитетной политики великого князя. Во многом это было вызвано экономическим упадком, охватившим большинство сфер жизни Тверской земли после середины XV века. Однако определённую роль играло и властолюбие тверских правителей. В конце концов, тверское духовенство в большинстве своём не оказало практически никакой существенной поддержки Михаилу Борисовичу ни в момент ликвидации независимости великого княжества Тверского, ни впоследствии.

С конца 1470-х гг., когда началась подготовка к решительной борьбе за Тверь, и до 1485 г. Вассиан Оболенский (епископ Тверской с 6 декабря 1477 г.) являлся важной фигурой в дипломатических контактах между Тверью и Москвой. Однако, как показано в диссертации, не следует преувеличивать степень его самостоятельности относительно княжеской власти Твери и влияния на московско-тверские отношения. В момент подчинения Твери осенью 1485 г. церковный аспект московско-тверских отношений либо вовсе не принимался в расчёт, либо оказывал незначительное влияние на политику, и в этом его коренное отличие от эпопеи присоединения Новгорода. Несмотря на это, Иваном Молодым, посаженным Иваном III в качестве тверского правителя, были предприняты совершенно активные действия иммунитетного характера в отношении духовных феодалов, направленные на закрепление собственных позиций в присоединённых землях.

Глава II «Церковь и военная составляющая внешней политики Московского государства» касается религиозных аспектов внешнеполитической

деятельности Ивана III и Василия III. В *первом параграфе* разбирается история русско-литовских войн рассматриваемого периода. Русско-литовское противостояние эпохи правления Ивана III и Василия III можно свести к трём центральным эпизодам: войнам 1492-1494, 1500-1503 и 1513-1514 гг., во время которых чётко прослеживается развитие идеи «войны за веру». К началу 90-х гг. XV в. идея «войны за веру» находилась в зачаточном состоянии, что прослеживается на материале русско-литовских и иных дипломатических отношений со странами Европы. Об этом также свидетельствует использование западноевропейской кальки титулатуры и гербовой символики. В начале 90-х гг. использовать в идеологии войны вероисповедный мотив было сложно ещё и потому, что серьёзных религиозных конфликтов между православием и католицизмом в Литве в это время не наблюдается. В диссертации было показано, что Иван III во время войны с Литвой 1492-1494 гг. не предпринимал каких-либо особенных усилий для того, чтобы заручиться поддержкой церкви и, в первую очередь, митрополита. Между тем, ряд иммунитетных привилегий Троице-Сергиеву, Кирилло-Белозерскому и Чудову монастырям, хронологически совпадающих с начальным и конечным этапом войны, даёт основания полагать, что некоторое влияние на отношение светской власти с духовными корпорациями русско-литовская война 1492-1494 гг. всё же имела.

На вторую половину 90-х гг. XV – начало XVI в. приходится усиление идеологической активности Москвы в противостоянии с Литвой, постепенно обретающей формы борьбы за веру. Диссертационное исследование доказывает, что это зависело, во-первых, от политики великого князя Литовского Александра Казимировича в отношении православия, которая к тому же имела антимосковскую направленность. А во-вторых, было основано на политических и идеологических играх вокруг женитьбы Александра Казимировича на дочери Ивана III Елене. Во время войны с Литвой 1500-1503 гг. религиозный аспект был выражен существенно сильнее, нежели в начале 1490-х годов. Одной из наиболее вероятных причин начала военной кампании в мае 1500 г. стало упрочение позиций митрополита Иосифа Болгаринича в Литве. Куда более серьёзной становится и иммунитетная политика Ивана III в отношении духовенства. Впервые за последние десять лет летописи фиксируют и широко освещают чудо, произошедшее 23 апреля 1501 г., в день памяти Георгия Победоносца, небесного покровителя православных воинов, что, очевидно, также было связано с шедшей войной.

Укрепление идеологических представлений об особом характере войны против Литвы получает дальнейшее развитие в правление Василия III. Уже в первые месяцы правления он ведёт переговоры с Литвой, повторяя

дипломатические приёмы Ивана III. В последующие годы идеологический накал нарастает. Традиционная иммунитетная политика в отношении духовных феодалов в период русско-литовских войн развивается ещё больше. К ней добавляются принципиально новые элементы – паломничество по монастырям и присутствие великого князя в войсках, которые должны были содействовать особому идеологическому наполнению важнейшей стратегической задачи того времени. К 1514 г. противостояние с Литвой принимает характер борьбы за истинную православную веру против «латынства». Так, апофеоз Смоленского похода 1514 г. в официальном московском летописании будет выражен фразой об освобождении Смоленска от «злыа латыньския прелести и насилия», а Василий III назван «истинным пастырем и учителем», определением, которое больше подходит духовному, а не светскому лицу. Окончательное складывание представлений о войне за веру против Литвы относится ко второй половине 10-х гг. XVI века. Между тем, это характерно, в первую очередь, именно для идеологии войн. Реальная политика, тем более в мирный период, основывалась на прагматических соображениях.

Во *втором параграфе* рассматривается церковно-политический аспект отношений великих князей с Ливонией. В ходе диссертационного исследования установлено, что уже в самом начале правления Иван III стремился показать себя покровителем православных, находящихся в Ливонии, и успешно осуществил свой замысел, отправив московскую рать на ливонский рубеж летом 1463 года. Важнейшим достижением победоносного похода стало заключение перемирия, по условиям которого ливонцы впервые обязывались православные «церкви... держать чисто, по старине и по старым грамотам, а не обидеть». В дальнейшем борьба за покровительство православию становится неременной составляющей всей ливонской политики Ивана III и Василия III, а притязания Москвы, заключающиеся в требовании новых льгот для православных, увеличиваются. Очевидно, великие князья считали, что на данном внешнеполитическом направлении полноценная деятельность возможна только при неременном использовании религиозного фактора.

Не малую роль в этом случае играла социальная демагогия. Государи стремились показать, в первую очередь Пскову и его представителям в Ливонии, а затем и Великому Новгороду, что они ревностные защитники интересов православного меньшинства в католическом государстве. Всё это способствовало созданию привлекательного образа благочестивого государя, ревнителя православия. На завершающей стадии образования централизованного государства, когда вставал вопрос о присоединении к Московскому княжеству

этих крупнейших городов, а затем их вживания в составе единого государства, безусловно, существовала насущная необходимость поддержания такого образа. Между тем, на ливонском направлении Василий III предпочитал вести мирную политику. Но изменялась только форма борьбы, содержание её не только оставалось прежним, но ещё больше насыщалось. Самое же изменение формы было продиктовано, скорее, внешнеполитическими обстоятельствами, нежели личными качествами Василия III – войны эпохи Ивана III на ливонском направлении создали хороший задел для его сына. Внимание Василия III было сосредоточено на решении литовских и татарских проблем, и в Ливонии он предпочитал довольствоваться тем, что было достигнуто отцом. Достижений же Ивана III вполне хватало на ведение борьбы дипломатическими способами.

В *третьем параграфе* затрагиваются религиозные составляющие русско-казанских отношений. Диссертационное исследование показало особую роль культа святителя Николая Мирликийского в периоды русско-казанских войн, начиная с 1460-х гг. и вплоть до присоединения Казани в 1552 году. Почитание святителя Николая было вызвано в равной степени переплетением с культом архангела Михаила, от которого святитель Николай перенял функции покровителя московских войск (причём именно в борьбе против мусульман), и обетом, данным святителю Иваном III. Суть обета остаётся невыясненной, однако, по всей видимости, он был связан как раз с казанским вопросом.

Ещё одной важнейшей составляющей русско-казанских войн в рассматриваемый период являлась проблема помощи пленным. Как установлено, эта проблема также была характерной, в первую очередь, именно для внешнеполитических отношений на восточном направлении. В основе её лежали традиционные христианские представления о помощи ближнему. Однако уже в правление Ивана III данный аспект приобретает новое наполнение в качестве «дела государева». Заметим, что в каноническом праве необходимость покровительства единоверцам не была закреплена. Именно представления о роли православного государя как покровителя единоверцев, постепенно развивавшиеся со второй половины XV в., определили последующее юридическое оформление государственной системы выкупа пленных на Стоглавом Соборе. Изучение русско-казанских отношений во второй половине XV – первой трети XVI в. в целом показало наличие серьёзных религиозных мотивов в казанской политике, более заметных, нежели на других внешнеполитических направлениях. При этом религиозные аспекты политики имели тенденцию к увеличению своего веса особенно в заключительный период правления Василия III. Однако даже тогда политический прагматизм всё же преобладал над религиозной составляющей.

В Главе III «Закономерности формирования высшей иерархии Русской церкви» рассматриваются подходы Ивана III и Василия III к замещению архиерейских постов Русской православной церкви. В *первом параграфе* исследуются основные принципы подбора архиереев. Было установлено, что избрания митрополитов «всея Руси» только из лиц не епископского достоинства (Зосимы в 1490 г., Симона в 1495 г., Варлаама в 1511 г., Даниила в 1522 г), характерные для конца правления Ивана III и всего периода правления Василия III, были обусловлены особенностями заключительного этапа собирания русских земель. Глав Русской церкви рукополагали исключительно из монастырей Владимиро-Московской митрополичьей епархии, тесно связанных с великокняжеским домом: Троице-Сергиева, Иосифо-Волоколамского, Симонова. Кроме того, принятие Русской церковью старой византийской традиции рукоположения предстоятелей являлось одной из составляющих обоснования своего правопреемства в качестве лидера христианского православного мира, и одновременно обособления от Константинопольской матери-церкви, отступившей от православия в результате Флорентийской унии.

Во второй половине XV – первой трети XVI вв. обоснование роли Русской церкви в современном мире шло рука об руку с процессом утверждения влияния на саму церковь великокняжеской власти, переломным периодом для которого стали 80-е гг. XV века. В частности, именно с 1480-х гг. светская власть начинает активно вмешиваться в процесс формирования епископата. Между тем, как было показано в диссертации, вмешательство великокняжеской власти в ряд традиционных прерогатив церкви (например, прославление новых святых) часто замалчивалось официальными источниками даже по прошествии нескольких десятилетий, в середине XVI века.

Во *втором параграфе* речь идёт о роли монастырей в подготовке кандидатур на высшие церковные посты. Проведённое исследование показало, что в годы правления Ивана III и Василия III ни одному из монастырей не отдавалось решительного преимущества перед другими в деле замещения епископских кафедр. Однако можно выделить ряд обителей, представители которых наиболее часто становились архиереями. Это Московский Симонов монастырь – три епископа и два митрополита, Троице-Сергиев монастырь – три епископа и один митрополит, Ферапонтов, Спасо-Андронников и Угрешский Николаевский монастыри – по три епископа. В реальности это соотношение могло быть и несколько иным, так как далеко не всегда известны биографические сведения о том или ином епископе, однако общая тенденция достаточно очевидна. Кроме «частотной» ориентации великокняжеской власти на те или иные монастыри,

заметна и другая тенденция – выбор кандидатов в архиереи часто обуславливался региональным местоположением обители. Так, для Коломенской и Крутицкой епархий владыки избирались, в первую очередь, из московских и подмосковных монастырей (что было вызвано тесными связями этих епископий с митрополичьей кафедрой), а для Пермской епархии – из пределов Ростовской.

В *третьем параграфе* разбирается политика московского правительства в отношении православной иерархии присоединённых земель. Можно с уверенностью сказать, что и для Ивана III и для Василия III, а впоследствии и для Ивана Грозного, было характерно настороженное отношение к церковным иерархам земель, недавно включённых в состав великого княжества Московского. Государи предпочитали смещать тамошних архиереев, чтобы устранить саму возможность неповиновения владык. В то же время великокняжеской политике в отношении православной иерархии присоединённых земель было свойственно движение маятника. Архиереи смещались всякий раз, когда отвоёвывались епархиальные центры, входившие в состав Великого княжества Литовского (так было в 1500, 1514, 1563 гг.). Если же присоединённые земли не принадлежали Литве, т.е. епархии входили в состав митрополии с центром в Москве, то отставки епископов имели место не всегда. Наиболее лояльные архиереи, зачастую соратники великокняжеской власти (Вассиан Рыло, архиепископ Ростовский, Вассиан Оболенский, епископ Тверской), оставались на своих местах.

В *четвёртом параграфе* затронуты закономерности хиротонии архиереев, а также некоторые механизмы созыва и проведения церковных соборов. Анализ рукоположений архиереев по дням недели во второй половине XV – первой трети XVI в. позволяет сделать однозначный вывод: в эпоху Ивана III в большинстве точно датированных случаев рукоположения совершаются по воскресеньям (62% случаев). В правление Василия III заметна тенденция к уменьшению числа воскресных хиротоний (45% случаев), хотя и в этот период по сравнению с другими днями преобладают рукоположения по воскресеньям. Также были распространены хиротонии по вторникам и четвергам, а в правление Ивана III несколько раз поставления совершались в субботы. Совершенно неизвестны рукоположения в понедельник и среды, а также пятницы, за исключением одного случая. В диссертации сделан вывод, что закономерности рукоположений архиереев по дням в рассматриваемый период в большой степени опирались на недельный круг христианского богослужения. А именно на нормы поведения, которые предписывались церковным уставом, а также литургическую символику дней недели.

Проведённое исследование также показало, что для эпохи Ивана III характерна «чересполосица» в выборе кандидатов в епископы. Архиепиеи ставятся и из игуменов или архимандритов, и из рядовых монахов, и даже переводятся с одной кафедры на другую. Как минимум, в шести случаях архиепиеи поставлены не из настоятелей монастырей. В правление Василия III ситуация меняется совершенно, и, по всей видимости, уже становится нормой избирать архиепиеев только из архимандритов или игуменов монастырей – так было во всех известных случаях. Был сделан вывод и о том, что во второй половине XV – первой трети XVI в. было принято поставление владык на одном соборе, а не на нескольких для каждого отдельного случая рукоположения. В ряде случаев, хотя не всегда, хиротонии епископов на таких соборах совершались с перерывом в семь дней. (Рукоположения с семидневным перерывом были особенно популярны в 20-е гг. XVI в. при митрополите Данииле).

Глава IV «Провиденциализм и прагматизм как факторы политической деятельности Ивана III и Василия III» посвящена изучению соотношения личных и общеполитических мотивов государственной деятельности великих князей. В *первом параграфе* рассматривается церковно-политический аспект первых военных походов Ивана III. Первые военные кампании времени его правления имели исключительную важность для молодого великого князя. Походы 1462 г. на Великую Пермь и 1463 г. на ливонскую границу были призваны служить укреплению авторитета великокняжеской власти. Отчасти это было вызвано напряжённой обстановкой, в которой происходило восшествие Ивана III на престол (жестокая казнь отцом Ивана III, Василием Тёмным, сторонников серпуховского князя Василия Ярославича в великопостные дни 1462 года). Уже в первые годы правления Иван III пытался со всей определённостью заявить себя в качестве единственного правителя Северо-Восточной Руси, в воле которого находилось решение всех политических и многих церковных вопросов. Образ благочестивого православного властителя и одновременно князя-воина был одним из важнейших способов утверждения Ивана III, начиная с первых лет его самостоятельного правления.

Во *втором параграфе* исследуются первые церковно-политические шаги Василия III. Он, как и всякий наследник власти в средневековье, зависел от своего предшественника. Причём эта зависимость выражалась не только в рациональных формах, но и в представлениях о сакральном преемстве. Средневековое общество строилось на основе личностных связей. А государство воплощалось, в первую очередь, в личности государя. Василий, чтобы сохранить сущностную связь с Иваном III, должен был в сходных ситуациях копировать действия своего отца,

тем более, если учесть тот успех, который имело большинство решений Ивана III. Согласно логике мышления средневековья, раз совершённое действие, при повторении и соблюдении всех необходимых условий, также должно было завершиться успешно. Исследование показало, что в церковно-политической сфере начало правления Василия III, ознаменовалось повторением первых шагов Ивана III. Великий князь Московский Василий действовал в рамках, обусловленных понятиями средневековья о социальном статусе и роле, отведённой Богом каждому человеку. Уже в первые годы правления Василий III показал, что в целом будет придерживаться того же духа политики, что и его отец.

Третий параграф посвящён проблеме почитания праздника Преображения Господня в связи с военной деятельностью Ивана III и Василия III. Было установлено, что праздник Преображения Господня особо чтился в династии Даниловичей со времён Ивана Калиты, а корни этого культа уходят ещё во владимирскую эпоху. В течение XIV – XVI веков происходили всплески почитания Преображения представителями московского великокняжеского дома. Наибольшее значение преображенский культ приобретает в годы правления Ивана III, при этом он связывается с военной деятельностью великого князя. Развитие военной составляющей преображенского культа было обусловлено комплексом причин. Среди них идеологическая, связанная с усиленным вниманием московских идеологов к эпохе Киевской Руси, где были найдены истоки воинского почитания Преображения; богословская, основанная на традиционных воззрениях восточно-христианского богословия и ряд других. Особое отношение к Преображению Господню было свойственно не только великому князю Ивану III, но и другим представителям Московского княжеского дома, а также ближайшему окружению. В годы правления Василия III Ивановича почитание Преображения сохранится в великокняжеской среде, но примет другую форму. Теперь оно, по всей видимости, больше не связывалось с военной деятельностью московского государя, однако нашло отражение в развернувшемся каменном строительстве Преображенских храмов во многих землях единого Русского государства. Возврат к преображенскому культу в связи с военной деятельностью государей наметился в эпоху Ивана Грозного.

В **Заключении** на основе исследованного в диссертации материала подводятся основные итоги исследования, суммируются главные оценки и выводы.

Диссертационное исследование показало, что проблема религиозной составляющей в деятельности государей чрезвычайно глубока и сложна. Её главное проявление – в церковной политике великих князей. Процесс

постепенного взаимопроникновения церкви и государства, как показано в диссертации, имеет довольно определённые хронологические «засечки». Начав бурно развиваться после установления автокефалии Русской церкви в 1448 году, ещё до вступления Ивана III на престол, он активизировался с его приходом к власти. Уже в первые годы правления Ивана III произошли некоторые заметные подвижки в отношениях государства и церкви, сопровождавшиеся как усилением роли великого князя в жизни церковного организма, так и в формировании благосклонной позиции церкви касательно некоторых аспектов деятельности светской власти. Серьёзные изменения, явившие начало окончательного перехода преимущества государства над церковью приходятся на 80–90-е гг. XV в., что нашло отражение, в частности, в укреплении роли государя в политике формирования высшей иерархии Русской церкви и особых идеологических обоснованиях военной составляющей деятельности Ивана III. В правление Василия III этот процесс продолжался, имея особый всплеск в середине – второй половине 1510-х годов. А с избранием на митрополичью кафедру Даниила, сторонника деятельности Василия III, и вовсе получил благоприятное поле для укрепления власти великого князя Московского в церкви. Тем не менее, даже в последние годы правления Василия III в государственной деятельности политический прагматизм всё же преобладал над религиозной составляющей.

По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:

1. *Тарасов А.Е.* О некоторых закономерностях формирования епископата Русской православной церкви во второй половине XV – первой трети XVI века // Макарьевские чтения. Вып. 12. Иерархия в Древней Руси. Можайск, 2005. С.64-72.
2. *Тарасов А.Е.* Архиепископ Иоасаф: К истории отношений государства и церкви в 80-е годы XV века // История и культура Ростовской земли, 2004. Ростов, 2005. С.154-163.
3. *Тарасов А.Е.* Отражение результатов Яжелбицкого договора в Новгородской политике Ивана III (на примере Ливонских событий 1463 года) // Яжелбицкий мир (Материалы научно-практической конференции, посвящённой 550-летию подписания Яжелбицкого мира). Валдай, 2006. С.22-29.
4. *Тарасов А.Е.* Первый новгородский поход Ивана III // Историческая газета. 2006. № 5 (80).
5. *Тарасов А.Е.* Культ Преображения Господня в военной деятельности великих князей Московских // Военно-исторический журнал. 2006. №12. С.56-62.
6. *Тарасов А.Е.* Русь и Казань: кому молились русские воины? // Историческая газета. 2007. № 2 (86). С.11.